
РОМАН МИХАЛЫЧ
МИШКА-ХУДОЖНИК
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Роман Михалыч

Мишка художник

https://litres.ru/74769298
SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый родитель, действуя прямо или подсознательно, пытается реализовать свои безнадежно утерянные амбиции - в детях. Рассказ автобиографичен, но образы героев и места действия - собирательные. Все совпадения - случайны.

Роман Михалыч
Мишка художник

Мишка художник.

Каждый родитель, действуя прямо или подсознательно, пытается реализовать свои безнадежно утерянные амбиции - в детях. Мишке, как и многим другим не повезло: его папа сам мечтал стать художником, а Мишка просто ненавидел рисовать. Но папе почему-то казалось, что стоит только немного нажать на ребёнка, как он тут же встанет на творческий путь, и вырастет если не Леонардо Да Винчи, или Рафаэлем, то хотя-бы Репиным или Кустодиевым, на худой конец. Сам папа был художником-самоучкой, увлеченным, и настолько уверенным в своей гениальности, что так и не закончил ни одного профильного учебного заведения, не считая средней школы, из которой его чуть не выгнали с волчьим билетом, ближе к десятому классу. Как истинный самобытный талант, папа презирал всех коллег по цеху, считая их бездарями, ничего не понимающими в искусстве. Преподавателей, не разглядевших в нем дарование, так просто не считал за художников – так, педагогический мусор, который сам ничего не умеет, кроме как учить других.

Все бы ничего, но папино увлечение создавало серьезные проблемы в семье. Пока Мишка был маленький, папа в выходные сваливал с такими же непризнанными художниками

на «пленэры» - шарахаться с новеньким этюдником и бесстыжими девками по живописным местам пригорода, оставляя Мишку со своей женой, и со своей матерью. Кроме бабушки, никого это не радовало: Мишка скучал, а мама злилась, и собачилась со свекровью. Самое обидное было в том, что папину живопись никто никогда не видел, так как он считал всех домашних людьми темными, и не сведущими в высоком искусстве, а свои работы от них прятал, запирая в отдельной комнате старого дома в частном секторе большого города. Мишка, в силу возраста, может и не понимал достоинств станковой живописи, но «похоже или нет» определить уже мог.

Работал папа художником-оформителем в самом большом кинотеатре города, с громким названием «Октябрь», переделанном из бывшей церкви, куда они ходили два раза все вместе, на какое-то скучное кино про любовь. Кино это Мишка видел и раньше - у дядьки по телевизору. Дядька был уважаемым мастером на заводе, и мог позволить себе в те времена даже свой собственный телевизор, с маленьким черно-белым пучеглазым экраном. Если сесть поближе, то еще можно было там хоть что-то рассмотреть, но мать не разрешала – говорила, что ослепнешь. Да и работал этот телевизор так себе: дядька периодически вставал, матерился, и бил телевизор кулаком «по кумполу», когда пропадало изображение. Помогало далеко не всегда. Иногда телевизор обижался, и показывал дядьке только исковерканные полоски.

То ли дело кинотеатр ! Картинка - с целый дом, цветная, все видно, и все понятно. Мишкин папа в своей мастерской рисовал гуашью, размешанной с клеем ПВА, огромные афиши к каждому фильму. На этих афишах были артисты, которые играли в кино, и они были похожи на настоящих, как на фотографии. Как папе так удавалось рисовать – было выше Мишкиного понимания. Папу он боялся и уважал. Уважал за то, что папа был большой, сильный, и умел рисовать артистов, как в кино. А боялся по тому, что папа регулярно бил Мишку: по поводу, и без повода – по настроению. Папа не бухал, просто у него был такой характер, но никому от этого было не легче. Мама уже один раз забирала Мишку, и уезжала от домашнего тирана, но тот приехал за ней, наврал, что все изменится, и мама поверила, а потом смирилась. Но ничего не изменилось…

Мишка, где-то в глубине души, любил отца, но быть похожим на него не хотел. А вот папа как раз считал, что просто обязан вырастить сына таким, каким сам себе его напридумывал – идеальным ребенком, послушным, как собачонка, любящим делать уроки и рисовать, и чтобы непременно стал великим художником. Папа был хреновым педагогом, помешанным на «Домострое», и результаты воспитания, соответственно, были прямо противоположными. А Мишка любил свободу. Он возненавидел сначала садик, а потом и школу, за что был регулярно бит и отцом и матерью, а выкрученные родителями уши торчали локаторами, добавляя сверху еще

боли от насмешек ровесников. Еще Мишке нравилось собирать всякие машинки из железного конструктора, с маленькими винтиками и гаечками, особенно такие, каких не было в картинках на коробке.

Отца это злило, и он разбрасывал детали, высыпая все в один ящик с остальными игрушками. Мишка со слезами, каждый раз разыскивал и вытаскивал все по винтику, чтобы аккуратно сложить в коробочку от конструктора, но история повторялась. Мишка не хотел мириться с таким положением вещей, и противостоял самоуправству отца, складывая заново все на место. Так формировался характер ребенка: «на зло бабушке – отморожу уши». Бабушку он любил больше всех, ибо именно она успела привить ему любовь к свободе, когда они жили все вместе. Бабушку боялись и уважали все, даже отец. Она говорила сама про себя: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», что было очень похоже на правду. Она одна вырастила двух сыновей в лютые военные годы, разгружала баржи с бревнами на Волге, работала прачкой в госпиталях, построила дом на деньги за погибшего мужа, и никому не позволяла обижать Мишку. Но теперь бабушка была далеко, и заступиться за Мишку было некому.

Отца он тоже понимал, и жалел. Тот был ребенком войны: знал и холод, и голод, и били его не меньше – и в школе, и на улице, и дома - за дело, и просто так. Не видел он другой модели воспитания, вот и сам себя так вел, воспитывая Мишку теми же людоедскими методами. Мишка пы-

тался понравится отцу, и в те редкие моменты, когда у папы было хорошее настроение, даже просил его научить рисовать людей, как в кино. Папа вдохновлялся, и долго наставлял Мишку «не быть дураком», как он сам, а пойти учиться в художественную школу, где всему научат грамотные люди, но сам рисовать Мишку не учил. А Мишке хватало учебы и в обычной школе, где он был практически отличником, но каких усилий и лишений ему это стоило – знал только он сам. Поэтому, от художественной школы он шарахался, и под любым предлогом отказывался туда идти, даже просто «посмотреть».

Однажды в школе, вдохновившись рассказом учительницы про летчиков, Мишка нарисовал в альбоме аэродром, с реактивным военным самолетом. Картинка понравилась всем: и учительнице, и Мишке, и одноклассникам, некоторые из них, даже просили дать ее «срисовать». Мишка показал рисунок отцу, и неожиданно тот похвалил картину, хотя обычно только критиковал. Мишка сиял от счастья. Вот бы такую картину нарисовать дома в квартире на стене, покрашенной скучной салатовой водоэмульсионной краской. Жили они тогда небогато, и не то что ковров - даже обоев на стенах не было. На удивление, папа идею одобрил, но сказал, что для такой серьезной работы необходимо нарисовать несколько эскизов, чтобы выбрать из них лучший вариант. Чем не подходил имеющийся рисунок – объяснять не стал, и ушел на работу.

Мишка не любил долгих раздумий, тем более, что рисунок и впрямь ему очень нравился. Но, чтобы угодить отцу, решил немного его изменить: сделать самолет взлетающим, а не стоящим на аэродроме. Остальное решил не менять. Были конечно сомнения, что одной коробки акварельных красок может не хватить, особенно синей краски для неба, но потом папа увидит, и купит еще – на такое дело ему будет не жалко. Мишка набрал стакан воды, взял краски, и взобрался на спинку дивана, чтобы подобраться к стене. Тут появились новые сомнения: если разложить спинку дивана, то внизу останется свободное место, а если нарисовать со разложенной спинкой – то при ее подъеме, часть рисунка скроется. Мишка задумался: задача уже не выглядела такой легкой, тем более, если ошибиться – ластиком все это уже не сотрешь. Даже вспотел от волнения. Но время шло, и до прихода отца хотелось работу закончить.

Дальше все пошло не так, как Мишка себе представлял себе это ранее. С первых мазков, краска начала течь и капать на пол – пришлось бежать за тряпкой, чтобы спасти стену. Тряпка была кухонная и жирная, но под рукой другой не было – не брать же половую. Оставляя жирные пятна, Мишка осторожно промакивал стекающую краску, и казалось – дело пошло. Но не доходя середины линии аэродрома, вдруг неожиданно закончилась коричневая краска, а ведь это была только линия. В этот же момент, Мишка с ужасом обнаружил, что проводя эту линию, он совсем забыл про самолет !

Ведь именно самолет тут должен быть на переднем плане, а линия аэродрома никак не должна его перечеркивать. Мишка начал понимать, что переоценил свои возможности: одно дело нарисовать на альбомном листе, а тут – целая стена.

Он заметался по комнате. Если бы родители увидели сразу готовую картину, то наверное, даже похвалили бы его. А за то, что он нарисовал непонятную кривую черту на полстены, заляпав ее местами кухонной тряпкой, его явно еще и строго накажут. Немного успокоившись, он резонно решил, что назад уже дороги нет, и надо бы хотя бы дорисовать аэродром. В аккурат к возвращению отца с работы, линия аэродрома была почти готова. То, что пришлось использовать все другие краски, вместо коричневой, было почти не заметно. Сердце колотилось, как бешеное, в ожидании реакции отца, но тот привычно из коридора проследовал прямо на кухню, и долго там вкусно чавкал и хрустел картошкой с капустой, поддерживая в рабочем состоянии свои сто сорок килограммов живого веса. Нажравшись, папа сыто рыгнул, хрюкнул, и довольный вывалился в зал в хорошем настроении.

Родитель вообще редко сдерживался в оценочных суждениях, но тут как-то совсем подвис, изумленно водя взглядом от одного конца линии аэродрома – к другому. Потом, молча перевел вопросительный взгляд на Мишку. Предчувствуя неизбежное наказание, с выворачиванием ушей, Мишка торопливо и сбивчиво начал рассказывать, а точнее – оправдываться, почему он не смог закончить работу, и с какими

трудностями пришлось столкнуться, ожидая от отца снисхождения и решения, как быть дальше. На удивление, папа не стал сразу репрессировать незадачливого юного художника, а утробно заржал, сообщив ошарашенному Мишке, что все это был всего лишь розыгрыш, ради того, чтобы Мишка еще чего-нибудь нарисовал в альбоме, привычно обозвав своего сына «дураком». Мишка, еще не успев обрадоваться, что его не будут бить, реально почувствовал себя дураком, над которым так тупо поиздевались. А он ведь так старался…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.